

лым., 1595) [3, с. 135] ◇ *Рубить город*. – Город новой Мангазьи на турухане, деревянной, *рублен* город городнями (1673) [5, с. 437].

Представляется, что все описанные выше глаголы тематически, с точки зрения характера передаваемого ими действия, могут быть разделены на две группы:

1. Обозначающие процессы созидательного освоения земель, традиционно свойственные хозяйственному укладу Московской Руси, по преимуществу земледельческому, оседлому (*пахать, косить, пасти, ставить, рубить, оселиться, осечься, осесться* и под.).

2. Называющие процессы активного продвижения русских людей на новые неизведанные места (*приискать, досмотреть, промышлять* и др.).

В пределах языкового континуума «лингвистическая сегментация внеязыковой действительности различна», – отмечал Н.И.Толстой, утверждая по преимуществу номинативный характер географической терминологии [9, с. 18]. Захватно-заимочный, «промышленный» характер процесса освоения Сибири, о котором говорят историки, безусловно, выражен в лексике, тем более в глагольной лексике XVII в., когда этот исторический процесс протекал особенно активно. По нашим наблюдениям, семантику глаголов, часто встречающихся в местных текстах делового письма XVII – XVIII вв. и поэтому зафиксированных в трех сибирских исторических словарях, отличает особенный, «деятельностный» характер. Они концентрированно выражали дух эпохи и дух освоения Сибири и были актуальными в употреблении на протяжении всего этого периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин Н.И. Освоение Сибири в 17 веке. М., 1990.
2. Летописи сибирские / Сост. и общ. редакция Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991.
3. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири 17 – первой половины 18 в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.
4. Словарь народно-разговорной речи г. Томска 17 – начала 18 века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002.
5. Цомакион Н.А. Словарь языка мангазейских памятников 17 – первой половины 18 вв. Красноярск, 1971.
6. Словарь русского языка. В 4 т. М., 1983.
7. Словарь русского языка 11 – 17 вв. Вып. 1-26. М., 1975-2002.
8. Российский государственный архив древних актов, фонд 214 – Столбцы и Книги Сибирского приказа.
9. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969.

А.П.Майоров

БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОЛЕКТЕ XVIII В.

Для изучения истории формирования русских говоров территорий позднего заселения непреходящее значение имеют такие источники, как памятники региональной деловой письменности, которые в сравнении с другими источниками в наибольшей степени могут отражать былое состояние разговорной речи. Безусловно, при анализе фонетических явлений, в частности, явлений безударного вокализма, отражаемых в письменных памятниках, а особенно документах национального периода, в первую очередь необходим учет правописных норм, сложившихся в деловом письме изучаемого периода. Поэтому наше исследование будет строиться в тесной связи с анализом орфографических фактов.

Общая картина правописания гласных букв после мягких согласных в забайкальских памятниках деловой письменности XVIII в. создает впечатление достаточно строгого соблюдения орфографических норм, опирающихся на фонематический принцип. В первую очередь

это относится к правописанию этимологических гласных букв *я, е, и* в предударной позиции, при котором правильный выбор орфограмм *е* и *и* осуществлялся практически без исключений. Что касается буквы *я*, то большинство случаев ее правильного употребления отмечается в наиболее употребительных в деловом письме словах – терминах судо- и делопроизводства *объявлять, объявление, заявлять, заявление, ясак, ясаиный* и числительных *пять* (в формах косвенных падежей), *пятнадцать, пятьдесят, пятьсот* и др.

Последовательное правописание безударных букв *е* и *и* выдерживалось, на наш взгляд, достаточно строго потому, что оно находило поддержку в екающем произношении. Как известно, еканье представляет собой тип безударного вокализма, при котором гласные неверхнего подъема в предударном слоге после мягких согласных совпадают в звуке [е]. На письме оно могло отражаться в виде варьирования букв *я / е* при обозначении гласного в предударной позиции.

Забайкальские памятники отличает незначительная, но значимая вариативность правописания указанных гласных букв в безударной позиции. В свете анализа отражения явлений безударного вокализма важными представляются такие случаи варьирования, когда на месте этимологической буквы *я* в предударной позиции выступает буква *е*. Ее употребление в этой позиции отмечается как перед твердыми, так и перед мягкими согласными на протяжении всего восемнадцатого столетия. Приведем примеры на каждую разновидность указанных позиций:

1) перед твердым согласным:

а) в 1-м предударном слоге: стрепной [РГАДА, ф. 1069, оп. 1, д. 1, л. 161, 1727]; девеносто [ПЗДП, 67, л. 405, 1730]; косека [ПЗДП, 105, л. 8 об., 1731]; кленусь [ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 58, л. 12, 1752]; о^бевляеть [ГАЧО, ф. 282, оп. 1, д. 21, л. 92, 1755]; мекотные [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 34, л. 11, 1760]; петнатцати [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 40, л. 561, 1768]; соленова камисарьства [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 40, л. 181, 1768]; воденому пути [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 25, л. 149, 1767]; воденая ко^ммуникация [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 79, л. 371 об., 1769]; нитеным галстуком [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 79, л. 59, 1769]; чебакъ соболеи [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 48, л. 72, 1769]; в голека^х [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 120, л. 171 об., 1773]; галстукъ волосенои [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 219, л. 259, 1779]; на чесахъ [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 219, л. 158, 1779]; паметуеть [РГАДА, ф. 413, оп. 1, д. 11, л. 17, 1781]; тежелого [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 135, л. 79 об., 1785]; петно [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 70, л. 24, 1785]; рысека [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 409, л. 5, 1785]; челдарной [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 52, д. 6, л. 81 об., 1785]; черках [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 54, л. 65 об., 1785]; на петях [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 463, л. 43 об., 1786]; тенули [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 552, л. 103, 1790]; смоленой бочки [ПЗДП, 82, л. 6, 1790]; светой [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 467, л. 74, 1793]; есашной [ПЗДП, 88, л. 32 об., 1796];

б) во 2-м предударном слоге: честоколину [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 12, л. 14, 1742]; редовым [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 79, л. 408, 1771]; месоець [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 467, л. 74, 1794];

2) перед мягким согласным:

а) в 1-м предударном слоге: десетины [ПЗДП, 45, л. 6 об., 1728]; емщицьи [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 79, л. 198, 1771]; реди^и [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 355, л. 143 об., 1784]; свешеником [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 86, л. 6, 1785]; мешенина [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 463, л. 4 об., 1786];

б) во 2-м предударном слоге: петиланны^х [ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 5, л. 144, 1707]; ледвее [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 120, л. 204, 1773]; емщиком [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 521, л. 31, 1794].

Немногочисленность вариантов с буквой *е* на месте *я* отчасти связана с относительно небольшим количеством слов, содержащих гласный [’а] в корневых морфемах и аффиксах и представленных в памятниках забайкальской деловой письменности; в отдельных случаях такие написания единичны (*стрепной, светой, голеках, рысеках, месоець, тежелого*). В то же время среди них выделяются последовательные написания образований с корнем *вяз-* и корнем *памят-*, в которых буква *я* в предударной позиции заменяется на букву *е* (*свезали, привезать, везали, завезали, паметует*). Регулярность подобных написаний может свидетельствовать о сформировавшемся фонетическом принципе их правописания.

Все приведенные примеры в забайкальских памятниках имеют более употребительные варианты с написанием этимологической буквы *я* (после *ч* и *щ* – буквы *а*) в предупредительной позиции: *голеках* – *голяках*, *петно* – *пятно*, *светой* – *святой*, *редил* – *рядил* и т.п. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что в определенных типах письма, характеризующихся склонностью к фонетическим написаниям, наряду с другими написаниями, либо отражающими устно-разговорные явления, либо придерживающимися фонетического принципа орфографии, правописание буквы *е* на месте *я* достаточно регулярно. Напр., в одном деле конца века несколько документов, записанных одним и тем же писцом, содержат факты фонетических написаний, которые в своей совокупности характеризуют, скорее всего, такой тип письма, который условно можно назвать «относительно грамотное» письмо. В частности, в следующем отрывке из рапорта буква *е* на месте этимологической буквы *я* отмечается в словах, обычно не допускающих данного варьирования: *мещанинъ* *Михаило* *Елезовъ* точно прода¹ | десять скотинны^х кошъ после *Светой* *Паски* в *ме|соеть* кои имъ точно сами^м биты [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 467, л. 74. 1794]. Здесь же можно отметить фонетическое написание глухих согласных в позиции конца слова (*кошь*, *месоетъ*); в другом документе, писанном этим же писцом, – написание *порось* ‘нехолощенный бык’ [там же, л. 78]. В других документах рукою этого писца выведены буквы *а* на месте *о* и *о* на месте *а* в предупредительных слогах: нездаровой [там же, л. 78], продоваль [там же, л. 77], постовляеть [там же, л. 77].

Следует особо отметить, что в изучаемый период произношение гласного [е] после *ч* и *щ* в безударной позиции было одинаково возможно наряду с произношением гласного [’а], что отражалось не только в написании этимологической буквы *а* в словах типа *чабак*, *чалдар*, *чарки*, но и в этимологически немотивированном употреблении этой буквы в словах типа *вчарашний*, *часать*: *бочакъ* [НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 19, л. 8, 1736]; *чарко*^в [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 121, д. 6, л. 268, 1750]; *чалдару* [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 164, л. 8, 1784]; *чабакъ* ‘вид меховой шапки’ [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 96, л. 302 об., 1772]; *въчарашнего* [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 467, л. 55, 1793]; *часаль* [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 86, л. 106, 1798]. Такую же возможность произношения гласного [’а] после [ч’] и [ш’:] в предупредительной позиции в разговорном языке Москвы XVII–XIX вв. отмечал Р.И.Аванесов [1, с. 21].

Характерно то, что колебания в правописании безударных букв *е* или *и*, *я* наблюдаются во многих заимствованных словах: *арифметик* – *арефметик* [арифметикъ печатной – ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 9, л. 165, 1748; часть арефметика – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 28, л. 40, 1788]; *директор* – *деректор* [директора – ПЗДП, 40, л. 34, 1793; деректор – НАРБ, ф. 120, оп. 1, д. 63, л. 4 об., 1792]; *конфирмация* – *конфермация* [конфирмацию – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 534, л. 50, 1788; конфермацию – РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 21, л. 178 об., 1754]; *криминальный* – *креминальный* [криминальному делу – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 173, л. 3, 1776; делу креминальному – там же, л. 2]; *мяхочина* – *мехочина* [мяхочиною называ^т – ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 5, л. 138, 1707; бешчещиваль мехочиною – там же]; *рисунок* – *ресунок* [рисунку – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 40, л. 256; ресинку – там же, л. 255 об.]; *шинель* – *шенель* [шене^т – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 192, л. 294, 1777]; *яла* – *ела* [всего ялы тритцать лошадей – РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 830, 1730; за которые кражи ... платили ... съ елою – ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 78, л. 105, 1785]. Отдельные слова в исследованных документах отмечены только с буквой *е* на месте этимологической буквы *и*: *деалект* [деалекта^х – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 355, л. 199 об., 1784]; *деспозиция* [оставилъ на деспозицію – РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 407, 1730]; *брегадир* [брегадиръ – ПЗДП, 49, л. 70, 1743; брегадиръ – там же, л. 70 об.; брегадира – РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 184, 1749; брегадири – ПЗДП, 33, л. 24 об., 1778]^{*}; *ленейка* [на ево^ж Лепяшевои лошади и ле-

^{*} Исторические изменения в правописании этого слова должны представлять особый интерес. Несмотря на то, что этимон слова содержит в корне *и* (нем. Brigadier [Фасмер 1987: 1, 213]), в русском языке первая фиксация производящего слова *бригада*, по свидетельству [Черных 2001: 1, 111], представлена с буквой *е* – *брегада* (архив Куракина, 1705 г.). Активное варьирование букв *е/и* в данном слове отмечается в [Сл. XVIII]. Похоже, традиция написания слова с буквой *е* была закреплена в деловом языке изучаемого периода. Так, в памятниках московской деловой письменности XVIII в. [ПМДП] все употребления слова *бригадир* и его производного *бригадирша* отмечены с буквой *е*: брегадира - 221, 5 об., 1737; брегадира – 273, 128, 129, 1747; брегадира - 293, 235; брегадира - 298, 182 об., 1772; брегодирши – 279, 10 об., 1747. Как видим, в региональном узусе у слова также устойчиво сохраняется правописание с буквой *е*.

неике и о^твезъ – НАРБ, ф. 20. оп. 1, д. 441, л. 297 об., 1785]. Правописание заимствованных слов в связи с отражением явлений безударного вокализма особенно показательно, поскольку процесс адаптации европеизмов и автохтонных заимствований в новое время был живым и писцы при записи заимствований, скорее всего, ориентировались на разговорное произношение этих слов. Очевидно, что в этом случае норма екающего произношения обуславливала соответствующее написание иноязычного слова.

В отношении правописания заимствованных слов следует отметить еще одну важную особенность. Варьирования анализируемых букв *e/u* в предударных слогах не наблюдается у заимствованных слов, которые активнее всего применялись в делопроизводственном языке – *резолуция, промемория, репортовать*. Вместе с тем в забайкальской деловой письменности у этих слов отмечаются многочисленные другие варианты – *резолуция, розолуция, резелюция, премемория, рапортовать, отлепортовать*. Речь идет о таких вариантах слов, в которых в результате продолжающегося процесса адаптации новых европейских заимствований реализуются самые различные звуковые модификации, отражающие действие фонетических законов принимающего языка, в данном случае тех русских говоров, которые легли в основу забайкальского региолекта. Как яркий пример ориентации на живое произношение отметим еще отражение яканья в термине *промемория* [по прамямории – РГАДА, ф. 1069, оп. 1, д. 1, л. 163, 1727]. Другими словами, испытывая в процессе освоения воздействие разговорного произношения, данные заимствованные слова единственно не изменяют написание буквы *e*, что может означать скрывающееся за ней произношение соответствующего звука [e].

Рассматривая варьирование букв *я* и *e* в безударной позиции, необходимо обратить внимание на применение тех или иных орфографических принципов в правописании определенных морфем. Напр., независимо от положения по отношению к ударному слогу в суффиксе *-ян-* может писаться как буква *я*, так и буква *e*. Особенно активное варьирование написания суффикса *-ян-/-ен-* наблюдается у наиболее употребительных в исследуемых памятниках прилагательных (*серебряный /серебреньый, слюдяной (слудяной) / слуденой (слуденой)* и др.). При вариативном написании данного суффикса немаловажно учитывать фактор морфемной аналогии, который обнаруживает себя в виде написаний *сребренный* [денегъ ... сребрен'ныхъ – ПЗДП, 110, л. 4 об., 1797], *берестенный** [в бѣрестенно^м лукошке – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 32, л. 28, 1766], у которых суффикс *-ян-* в безударном положении отождествляется с суффиксом *-енн-*. Явно тяготеет к фонетическому написанию суффикс *-чат-*, в котором редуцированный заударный гласный практически всегда передавался буквой *e* (*брущетоу, китайчетоу, половинчетоу, травчетоу, шурупчетоу* и др.). Не менее активное чередование указанных букв используется при написании числительных с буквой *e* или *я* в заударной позиции (*деветь, десеть, петнатцеть, дватцеть* и т.п.). Аналогичные написания числительных были широко распространены в деловой письменности XVII-XVIII вв. (см., напр., в [Пам. Влад., ПМДП, Рус. чел.] и других лингвистических публикациях деловой письменности донационального периода). Надо думать, что данные вариативные написания отражают характерное для эпохи взаимодействие фонетического принципа приказной традиции и фонематического принципа книжно-литературного языка. При этом написание буквы *e* в соответствии с фонетическим принципом отражает екающее произношение.

Более регулярными и частыми являются случаи написания буквы *e* на месте *я* в заударной позиции** : *деветь* [ПЗДП, 67, л. 405, 1730; НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 19, л. 3 об., 1736]; *деветеры* [там же, л. 5, 1736]; *тысечь* [там же, л. 5, 1736]; *упрежь* [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 22, л. 39 об., 1754]; *3 выдреныхъ меха* [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 28, л. 522 об., 1758]; *санга глиненная* [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 28, л. 569, 1758]; *десеть* [РГАДА, 1092, д. 7, л. 259, 1764];

* Судя по зафиксированной форме *берестенный* [один берестены^н тиезоць – НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 19, л. 7 об., 1736], ударение было на гласном основы – *берѣстьяный. В пользу этого ударения может свидетельствовать также образование в современном русском языке от акцентологического варианта слова *берѣста* прилагательного *берѣстовый*.

** Не учитываются написания буквы *e* в окончании Им.п. муж. р. ед. ч. имен прилагательных с основой на мягкий согласный, поскольку флексия *-ей* в этой форме была нормативной в деловом языке XVIII в. (*белей мехъ, рыбей черень, неболишей усъ*).

принето [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 40, л. 239 об., 1768]; принель [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 12, л. 211, 1770]; поесь [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 463, л. 43 об., 1786]; принель [ПЗДП, 89, л. 49 об., 1796] и др.

Между тем, наряду с написанием буквы *e* в заударной позиции, нередко встречается буква *и* на месте *e* или *я*: происти [РГАДА, ф. 1069, оп. 1, д. 1, л. 38, 1725]; станите [РГАДА, ф. 1025, оп. 1, д. 6, л. 6, 1741]; юфтивые [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 219, л. 89, 1779]; случии [ПЗДП, 85, л. 46, 1779]; иметь [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 219, л. 108 об., 1779]; следуют [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 367, л. 30 об., 1780]; ордири [ПЗДП, 81, 1788]; имеишь [ПЗДП, 15, л. 2, 1792]; будит [там же, л. 2 об.]; посеино [ПЗДП, 61, л. 2, 1792]; о посеви [там же, л. 2].

Значительно реже, в основном в документах 2-й пол. XVIII в., буква *e* в предударной позиции чередуется с буквой *и*: билилами [ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 6, л. 576, 1706]; одияло [ПЗДП, 112, л. 16, 1739]; Силиванова [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 12, л. 15а, 1742]; Снигирева [ПЗДП, 69, л. 147, 1764]; пирила [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 25, л. 35 об., 1767]; мижудворъную [там же, л. 36]; одиялна [НАРБ, ф. 20, оп. 2, д. 9, л. 24, 1785]. В написании отдельных слов наблюдается варьирование букв *и* и *e*: верехами [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 34, л. 202 об., 1760] – вирехами [там же]; прикудреват [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 37, л. 76 об., 1768] – прикудриват [ГАИО, ф. 121, оп. 1, д. 5, л. 119, 1759].

Большинство примеров для характеристики отражения иканья либо мало убедительны, либо фонетически не показательны. В частности, в отдельных случаях выявляется написание буквы *и* на месте *e* между мягкими согласными (*одияло*, *пирила* и др.). В данной позиции обозначаемые звуки становятся более закрытыми, передвигаясь в более переднюю зону образования. В этом случае буквой *и*, скорее всего, передавался особый характер звучания безударного гласного. Не исключается воздействие словообразовательной аналогии в примерах *прикудреват/прикудриват*. Вероятнее всего, рефлекс и-образного произношения аллофона фонемы <ѣ> проявляется в написании формы *билилами*. Таким образом, если исключить случаи написания буквы *и* на месте *e* в заударных слогах, нерелевантные для отражения иканья, то наличие икающего произношения в забайкальском узусе русского языка XVIII в. остается под вопросом.

По проблеме безударного вокализма после мягких согласных в русском языке XVII-XVIII вв. и, в частности, развития иканья в московском говоре, послужившем базой для формирования национального языка, в русистике вырисовывается достаточно сложная картина. Раньше, в 50-60-е гг. прошедшего столетия, у ученых существовала твердая точка зрения на то, что в исследуемый период типичной чертой предударного вокализма являлось еканье [1, с. 21; 4, с. 156; 5, с. 99]. В свете социолингвистической дифференциации произносительных систем в исследуемый период еканье описывалось как норма разговорно-бытовой системы русского языка, функционирующей в Москве XVIII в. [6, с. 303-398]. В 70-е гг. С.И.Котковым было выдвинуто прямо противоположное мнение о том, что «московский безударный вокализм той исторической эпохи (XVII в. – А.М.) в положении после мягких согласных нельзя характеризовать как еканье» [7, с. 101]; соответственно ученый предпринимает попытку обосновать развитие иканья в московском говоре с конца XVII в. [7, с. 92-101]. Наличие икающего произношения в московской речи XVIII в. констатируется также в работах А.П.Федченко и Т.Ю.Домаевой [8, с. 109-110; 9, с. 12-13]. Аргументацию раннего развития иканья в московском говоре С.И.Котков строит в основном на фактах заударного вокализма. Среди случаев замены *e* на *и* в исследованных им памятниках московской деловой письменности XVII в. отмечаются только два примера употребления *и* на месте *e* в 1-м предударном слоге против 14 случаев такой замены в заударных слогах [7, с. 92]. Между тем многие факты написания буквы *и* на месте *e* в заударной позиции требуют более осторожной и внимательной интерпретации в свете возможной грамматической аналогии, сближений словообразовательных и грамматических аффиксов; в связи с этим вряд ли стоит придавать столь исключительное значение примерам типа *малинькой*, *хорошинькой*, *поедишь*, *круживо* и т.п. Точно так же похожие написания *колить*, *свидился*, *дружочикъ*, отмеченные в произведениях 2-й пол. XVIII в., признаются фонетически неубедительными, поскольку «могут

быть поняты как явления грамматические» [6, с. 399]. По мнению ученых, «иканье ... в заударном слоге при еканье в слоге предударном указывает на редукцию гласных в этой позиции; письменный текст отражает не еканье и не иканье» [10, с. 126].

Если же все-таки придерживаться метода исследования иканья/еканья как типов предударного вокализма по соответствующим написаниям букв в предударных слогах, то анализ 302 московских документов, опубликованных в [ПМДП], показывает, что иканье как такое, за исключением единственного примера *одрисуетса* [70, л. 103, 1762], в этих деловых бумагах не отражается. Среди всех документов как наиболее достоверных для изучения отражения фонетических явлений выделяются частные письма, содержание которых излагается в свободной манере, максимально приближенной к живой разговорной речи. Соответственно, в письмах чаще и больше проявляются разговорные элементы на всех языковых уровнях. Так, напр., практически во всех письмах отражение аканья является регулярным для любых видов безударных позиций. Чтобы представить своеобразный характер правописания, передававшего акающее произношение, приведем небольшой фрагмент из письма Е.Б.Куракиной Б.И.Куракину:

Миластиваи гсдрь батюшка князь Борисъ | Ивановичъ многолетно здравствуи | Нижаиши гсдрь благодарствую за миластивае ваше | письмо каторое я с радастию принять палу|чила ат Алексея Василевича Макарова и предъ | прашу пажалуи гсдрь не аставь меня своими ми|ластивами писмами а мою вину мне гасударь | прашу атыпустить что я нечаста пишу ... [37, л. 13, 1725].

Что касается отражения безударного вокализма после мягких согласных, то практически во всех жанрах данных московских памятников – частных письмах, сказках, допросах, явочных челобитных – прослеживается регулярное употребление буквы *e* на месте *я*. Интересен в этом отношении пример из малограмотного письма, в котором писец, абсолютно пренебрегая орфографическими правилами в угоду живого произношения, предлог *для* пишет с буквой *e*, передающей редукцию гласного в предударном слоге: присланной вашъ члвкъ | проговариваетъ требуетъ избу и клетъ эта и дле | **васъ** несколько нехарашо развя мне ево в шела|шь посадить [13, л. 237, 1778]. Если для других написаний с буквой *e* в предударном слоге еще можно допустить проявление какого-то орфографического узуса (ср. регулярное написание числительных *деветь*, *десеть* и др. в деловой письменности с XVII в.), то в данном случае совершенно явно стремление писца следовать разговорному произношению.

Показательно другое письмо – Вас. Бор. Голицына Влад. Бор. Голицыну [27, л. 5-6 об., 1775], которое демонстрирует четкое распределение в написании букв после мягких согласных в безударной позиции: в предударной позиции после мягких согласных на месте *я* пишется исключительно буква *e*: изъяснение [л. 5]; обьяснять [л. 5]; обезательствы [л. 5 об.]; метежи [л. 5 об.]; изъясняя [л. 5 об.]; петидесяти [л. 6]; распорезения [л. 6 об.]. В заударной позиции наряду с буквой *e* может употребляться буква *и*: тысени [там же, л. 5 об.]; отнели [там же, л. 6]; до сехъ поръ [там же, л. 6]; занеть [там же, л. 6]. Но в заударной позиции отмечается написание буквы *и* на месте этимологической буквы *e*: вырублина [там же, л. 6]; уверяите [там же, л. 6]; требуйте [там же, л. 6]; братиць [там же, л. 6].

В то же время трудно опровергнуть многочисленные, но безусловные случаи отражения иканья в 1-м предударном слоге, фиксируемые в работах А.П.Федченко, Т.Ю.Домаевой, С.И.Коткова [8, с. 109-110; 9, с. 12-13; 7, с. 92-101], – примеры типа *асутрина*, *иво*, *ивангелие* и др. Возможно, на проблему развития иканья стоит посмотреть в социолингвистическом ракурсе. Прежде всего необходимо допустить сосуществование двух произносительных систем – еканья и иканья, что вполне реально, если сопоставить с сосуществованием в московской речи этого периода аканья и оканья, противопоставленных, правда, в ином социолингвистическом аспекте [6, с. 396-397]. Еканье в исследуемый период представляло собой произносительную норму национального языка, которая в условиях кодификации становится престижной – неслучайно в письмах дворян она соблюдается достаточно строго. С другой стороны, иканье в XVIII в. формируется как норма просторечия, отвергаемая кодификаторами и высмеиваемая в комедиях русских классицистов. Как отмечает М.В.Панов, исследовавший русское литературное произношение XVIII-XX вв., «иканье про-

никало в речь культурно говорящих горожан исподтишка, украдкой, но вполне легального положения у него не было» [6, с. 305].

Таким образом, сопоставление данных забайкальской деловой письменности и московской деловой письменности свидетельствуют о том, что еканье было нормой забайкальского вторичного говора восемнадцатого столетия. В отличие от языковой ситуации в столице в произносительной системе забайкальского региолекта не могло быть той социолингвистической дифференциации, которая прослеживается между икающим и екающим произношением в Москве.

В качестве произносительной нормы еканье соотносится с оканьем, полновластно функционирующим в Забайкалье 1-й пол. XVIII в. Редкие примеры написания буквы *и* на месте *е* в предударном и заударном слогах, предположительно свидетельствующие о появлении икающего произношения, фиксируются в забайкальских памятниках 2-й половины XVIII в., и этот факт также согласуется с отмечаемыми в документах данного периода случаями отражения аканья. Иными словами, иканье приходит в Забайкалье во второй половине столетия вместе с аканьем, носители которого активно переселяются в этот регион именно в данный период времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1984.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: «Прогресс», 1986 -1987. В 4-х т.
3. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Изд-во «Русский язык», 2001. В 2-х т.
4. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: Наука, 1965.
5. Горшкова К.В. История безударного вокализма в старомосковском просторечии // Вопросы истории русского языка. М., 1959.
6. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М.: Наука, 1990.
7. Котков С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М.: Наука, 1974.
8. Федченко А.П. О некоторых московских материалах деловой письменности XVIII века // Русский язык. Источники для его изучения. М.: Наука, 1971. С. 109-110.
9. Домаева Т.Ю. Вокализм московской речи XVIII века (по материалам деловой письменности). Автореф. дис ... канд. филол. наук. М., 1986.
10. Колесов В.В. К исследованию фонетики старомосковского говора // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М.: Наука, 1987. С. 123-130.

Список сокращений

- ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГАЧО – Государственный архив Читинской области
НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия
Пам. Влад. – Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. / под ред. С.И.Коткова. М.: Наука, 1984.
ПЗДП – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. / под ред. А.П.Майорова. Сост. А.П.Майоров, С.В.Русанова. Улан-Удэ, 2005
ПМДП – Памятники московской деловой письменности XVIII века / под ред. С.И.Коткова. М.: Наука, 1981
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
Рус. чел. – Русские челобитные XVII века (явочные, изветные и другие) / Сост. А.П.Майоров. Улан-Удэ, 1998
Сл. XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. I-XIV. СПб.: Наука, 1992-2004.